

Научная статья
УДК 94(47):“1914/1917”
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-57-68>

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАТАРСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: МЕЖДУ ГРАЖДАНСКИМ ДОЛГОМ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ МИССИЕЙ

*Лилия Рамилевна
Габдрафикова*^{1, 2}

¹ Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
² Казанский научный центр РАН
Казань, Россия, bahetem@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>

Аннотация. Статья¹ посвящена анализу благотворительной деятельности татарских предпринимателей в условиях Первой мировой войны, когда в рамках одного сообщества были объединены две задачи: 1) традиционные пожертвования в пользу своих единоверцев; 2) помощь гражданам страны, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности. Благотворительная работа татарского предпринимательства с рубежа XIX – XX вв. базировалась на идеях этноконфессиональной общности и необходимости модернизации татарской социокультурной сферы. Во время войны им приходилось искать баланс между этноконфессиональной миссией и общегражданским долгом.

В статье приводятся различные примеры благотворительности татарского предпринимательства из разных уголков Российской империи. Они участвовали в организации госпиталей, приютов, оказывали материальную помощь военным и их семьям. Специальной благотворительной акцией тех лет стал «День Красной звезды» (аналог «Красного креста»).

При этом в условиях шпиономании (в том числе «панисламизма») татарские благотворители демонстрировали иногда нерешительность даже при необходимости помощи единоверцам. Поэтому крупные пожертвования татарских предпринимателей осуществлялись под эгидой представителей государственной власти. Такая деятельность выступала маркером лояльности мусульман.

Изучение разных направлений благотворительной деятельности татарского предпринимательства позволило выявить взаимосвязь между проектами с этноконфессиональной спецификой и общегражданскими инициативами. Активные благотворители именно в годы войны получили возможность для юридического оформления татарских социокультурных проектов (обществ, учебных заведений и т. п.).

Ключевые слова: мусульмане Российской империи, татарское купечество, Первая мировая война, Волго-Уральский регион, история благотворительности.

Для цитирования: Габдрафикова Л. Р. Благотворительная деятельность татарского предпринимательства в годы Первой мировой войны: между гражданским долгом и этноконфессиональной миссией // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 2 (18). С. 57–68. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-57-68>

Сведения об авторе: Л. Р. Габдрафикова – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 420011, Россия, г. Казань, ул. Бабуринова, 7; ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии ФИЦ «Казанский научный центр РАН», 420111, Россия, г. Казань, ул. Лобачевского, 2/31.

© Габдрафикова Л. Р., 2024

Scientific Article
UDC 94(47):"1914/1917"
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-57-68>

CHARITABLE ACTIVITY OF TATAR ENTREPRENEURS DURING THE WORLD WAR I: BETWEEN CIVIL DUTY AND ETHNO-CONFESSIONAL MISSION

Liliya R. Gabdrafiikova^{1,2}

¹ Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences

² Kazan Scientific Center
of Russian Academy of Sciences
Kazan, Russia, bahetem@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9940-9097>

Abstract. The article studies the history of the charitable activity of Tatar entrepreneurs during the World War I, when the community had two tasks: 1) to make traditional donations in favor of their co-religionists; 2) to help citizens, regardless of their confession. The ideas of ethno-confessional community and the need to modernize the Tatar socio-cultural sphere were the basis of charity work of Tatar entrepreneurs at the turn of the 19th – 20th centuries. During the war, they sought a balance between the ethno-confessional mission and general civil duty.

The article includes various examples of Tatar entrepreneurship charity in different regions of the Russian Empire. Entrepreneurs participated in the organization of hospitals, shelters, and donated to the servicemen and their families. A special charity event of those years was Red Star Day (an analogue of the Red Cross).

At the same time, in conditions of spy fever (including Pan-Islamism), Tatar philanthropists sometimes demonstrated indecisiveness even when it was necessary to help their coreligionists. Therefore, large donations from Tatar entrepreneurs were made under the aegis of governmental authorities. Such activities were a marker of Muslim loyalty.

The study of different areas of charitable activity of Tatar entrepreneurs made it possible to identify connections between ethno-confessional projects and general civic initiative. It was during the war years that philanthropists received the opportunity to legally formalize Tatar sociocultural projects (societies, educational institutions, etc.).

Keywords: Muslims of the Russian Empire, Tatar merchants, World War I, Volga-Urals region, history of charity.

For citation: Gabdrafiikova, LR 2024, 'Charitable Activities of Tatar Entrepreneurs During the World War I: Between Civil Duty and Ethno-Confessional Mission', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (18), pp. 57–68, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-2-57-68> (in Russ.)

Information about the Author: *Liliya R. Gabdrafiikova* – Doctor of Sciences (History), Chief Researcher at Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 7 Baturina Str., Kazan, 420011, Russia; Chief Researcher at FIC 'Kazan Scientific Center of Russian Academy of Sciences', 2/31 Lobachevskogo Str., Kazan, 420111, Russia.

© Gabdrafiikova L. R., 2024

Введение

В современных условиях, когда российское общество столкнулось с новыми вызовами, приобретает актуальность детальное изучение и осмысление военно-исторического опыта страны 1914 – 1917 гг., в том числе жизнь тылового населения. Благотворительность является частью тыловой повседневности, эта деятельность отражает и общественные настроения, выступает связующим звеном между государством и обществом. В Российской империи, полиэтничном и поликонфессиональном в своей основе государстве, благотворительная деятельность имела определенные особенности. Помимо традиционного сословного подхода (социальные проекты Императорского дома и дворянства, купеческая филантропия и т. д.) существовала благотворительность, связанная с функционированием отдельных этноконфессиональных сообществ.

К началу Первой мировой войны татарские предприниматели вели коммерческие дела практически по всей Российской империи. Помимо торгово-промышленных интересов, их объединяла принадлежность к одной этноконфессиональной и социокультурной общности. Наряду с организацией мусульманских приходов (*махалля*) с мечетями и школами при них (*мектеб, медресе*), на рубеже XIX – XX вв. возникли принципиально другие образования. Прежде всего, это попечительства и мусульманские благотворительные общества. Новым направлением стала и культурно-массовая работа на татарском языке (СМИ, клубы, театральные труппы и т. д.).

У татарских предпринимателей начала XX в. наблюдался общий стиль жизни, в которой благотворительная деятельность в области этнических (*милли*) дел занимало одно из ведущих мест. Свое сообщество люди той эпохи определяли как *миллет*. Сегодня это слово переводится с татарского языка как «нация», но для татарского народа изучаемой эпохи данное понятие имело более широкое значение и включало в себя также и религиозную (мусульманскую) общность.

С началом Первой мировой войны, безусловно, поменялся характер благотворительной деятельности татарского предпринимательства, появились новые направления. Однако не были забыты и первоначальные задачи о необходимости развития собственного этноконфессионального сообщества. В новых условиях татарским благотворителям приходилось искать баланс между гражданским долгом и этноконфессиональной миссией.

Материалы и методы

Изучение купечества и благотворительной деятельности данной сословной корпорации, в том числе и социальной активности татарских предпринимателей, обозначается как отдельное направление исторических исследований с 1990-х гг., в связи со сменой научной парадигмы. В татарстанской историографии это сопровождалось еще и исследованием историко-культурного наследия татарского народа. В ходе изучения знаковых архитектурных объектов Татарстана XVIII – начала XX вв. и сбора архивных сведений о владельцах домов и других строений появлялись детали и об их благотворительной деятельности. Итогом этой работы стала книга-справочник под авторством Р. Р. Салихова и Р. Р. Хайрутдинова [25]. Идеи этой книги были развиты в работах Р. Р. Салихова, в которых благотворительные проекты татарского предпринимательства рубежа XIX – XX вв. показаны в контексте их общественно-политической деятельности. Именно в публикациях этого автора раскрываются основные детали социальной активности татарской буржуазии и их этноконфессиональная миссия [24]. Кроме того, нужно отметить публикации З. С. Миннуллина, в которых уделялось особое внимание правовому регулированию мусульманских благотворительных обществ Российской империи [19; 20]. Продол-

жением тренда на изучение истории благотворительности имперского периода стала публикация документов по этой теме в начале 2000-х гг. [27].

Научное изучение Первой мировой войны, традиционно считавшейся «забытой войной», в 2000-е годы получило новый вектор – внимание к тыловой повседневности [21; 22; 23; 31]. Исследовательский интерес к данному военному периоду истории России особенно вырос в связи со 100-летием начала Первой мировой войны в 2014 г. Было опубликовано немало научных трудов по этой теме [7; 2; 8]. Не остался в стороне и вопрос о благотворительной деятельности в военный период. Однако детальное изучение этих страниц истории еще продолжается.

Целью нашего исследования является системный анализ разных направлений благотворительной деятельности татарского предпринимательства в годы Первой мировой войны, выявление взаимосвязи между различными компонентами, в том числе между проектами с этноконфессиональной спецификой и общегражданскими инициативами.

Основными документальными источниками послужили материалы периодической печати – наиболее оперативного информационного канала военных лет.

Результаты

Летом 1914 г. и существующие Мусульманские благотворительные общества, и срочно организованные временные комитеты в Казани, Оренбурге, Уфе и других городах империализма развернули активную деятельность по сбору помощи солдатам и их семьям, раненым и другим нуждающимся. Тут надо отметить, что первые благотворительные организации, учрежденные татарами, возникли еще в пореформенное время¹ и за несколько десятков лет существования набрались определенного опыта в деле призрения. Поэтому многие из них отреагировали на военное положение довольно быстро.

В первую очередь собирали средства для раненых воинов. Так, уже 24 июля состоялось заседание по этому поводу Оренбургского мусульманского благотворительного общества, где была собрана внушительная сумма [33, с. 208]. Были пожертвования и от непрофильных организаций. Например, в первые дни войны организовал благотворительный сбор «Восточный клуб» в Казани [2, с. 182].

Помимо сборов на лекарства, вещи и т.п. предметы для нужд фронта возникла необходимость в организации госпиталей. Осенью 1914 г. Петроградское мусульманское благотворительное общество, организованное еще в 1898 г., выступило с инициативой об организации Мусульманского полевого госпиталя. Для осуществления этого проекта были привлечены разные силы. Прежде всего, рассчитывали получить помощь от существующих Мусульманских благотворительных обществ. Однако к ноябрю того же года положительный ответ дали лишь 43 из 83 организаций. Среди них были общества из таких мест компактного проживания татар как Оренбург, Челябинск, Саратов, Москва, Омск и т. д. [11].

2 ноября 1914 года торжественно открылся Мусульманский лазарет в Казани. В церемонии открытия присутствовали губернатор, городской голова, военные начальники [27, с. 61–62]. Мусульманский госпиталь был рассчитан на 60 мест, но уже в апреле 1915 г. организаторы приняли решение о необходимости довести число коек до 75 [15, 14]. Это было своеобразное образцово-показательное медицинское учреждение, полностью организованное силами местных татар. Его устройства потребовало внушительных финансовых вложений. Только на годовое содержание в 1914/1915 гг. было потрачено более 18 тыс. руб., без учета аренды помещения. Все расходы оплачивались из пожертвований. Безусловно, такая работа могла быть осуществлена только при поддержке крупных татарских предпринимателей. В их числе были казанские купцы Мухаметсадык Галикеева, Абдрахман Ишмуратов, Сулейман Аитов, Измаил Утямышев, Садык Мусин, Бадретдин Апанаев, Абдулвалей Юнусов,

Гайнутдин Мукминов и другие лица. Даже врачами и медсестрами в Мусульманском лазарете трудились татары. Сюда были направлены лучшие силы (врачи Абубакир Терегулов, Суфия Агеева (Кулахметова) и др.). Интересно, что предприниматели договаривались между собой даже о том, что каждую пятницу (в честь мусульманского праздника) будут приносить подарки пациентам лазарета. Самым первым взял на себя раздачу подарков купец Измаил Утямышев [12].

Открывались госпитали, организованные татарскими купцами, и в других городах империи. Например, уфимский купец Абдулатиф Хакимов передал свой дом в Уфе под лазарет №7 на 37 коек. Кроме того, на свои средства он оборудовал 20 коек [7, с. 5]. В Оренбурге мусульманский лазарет с осени 1914 г. функционировал в здании медресе «Хусаиния» [3, л. 142 об.]. Это учебное заведение поддерживалось купеческой фамилией Хусаиновых. В начале войны планировалось, что под лазарет будет предоставлено здание местного мусульманского благотворительного общества, где планировалось размещение 30 кроватей [26, с. 53], но позднее решили, что более подходящим будет здание «Хусаинии». В учебном заведении пришлось отменить занятия.

Кроме стандартных военных лечебниц, появлялись и необычные лазареты. Например, летом 1915 г. недалеко от г. Уральска открылась кумысолечебница на 20 мест для больных и раненых солдат. Пациенты располагались в войлочных кибитках, имелись также общие деревянные постройки. Одним из главных жертвователей стал местный купец Фатих Шарифов [18].

В сентябре 1914 г. в Петрограде была попытка создания «Общества помощи раненым воинам и их семьям, организованным русскими мусульманами». По сведениям З. С. Миннулина, данная организация была воспринята татарской общественностью скептически, появились критические отклики в прессе. Общее недовольство, главным образом, было связано с тем, что интересы «русских мусульман» представляли неизвестные им люди. В одной из жандармских справок по этому поводу было указано, что организаторы преследуют корыстные цели, ибо «среди народных масс наблюдается столько готовности идти на помощь жертвам войны». Судя по всему, данное Общество, несмотря на зарегистрированный 23.09.1914 г. устав, не получило дальнейшего развития [20, с. 174].

Очевидно для пресечения таких сомнительных проектов и для юридического оформления действующих общественных инициатив, для большей консолидации тыловых сил с 6 по 10 декабря 1914 г. мусульманами-депутатами IV-й Государственной Думы в Петрограде был созван Всероссийский съезд представителей мусульманских общественных организаций. Основной целью съезда, в которой приняли участие около 70 делегатов, была организация помощи раненым воинам. Делегаты решили оборудовать и содержать от имени российских мусульман передовой санитарный отряд на Кавказском фронте, создать местные комитеты мусульманских общественных организаций для сбора средств [32].

Некоторые авторы (по всей видимости, ошибочно) указывают, что к началу 1915 г. в Казанской, Уфимской и других губерниях появились отделения «Общества помощи раненым воинам и их семьям, организованного русскими мусульманами», учрежденного в Петрограде в сентябре 1914 г. [21, с. 84].

Из-за схожести названий и целей двух организаций – юридической (сентябрьской) и фактической (декабрьской) – произошла путаница и в нашей работе [2, с. 184]. Следует признать, что многочисленные местные отделения «Общества русских мусульман» были связаны все-таки с декабрьской инициативой мусульманских депутатов Госдумы, а не с организацией, вызвавшей подозрение даже у жандармерии.

К началу 1915 г. их было 34 по всей стране [16]. Например, активистами казанского комитета были купцы Сулейман Аитов (1862 – 1922), Салих Губайдуллин (1862 – 1935) и другие уважаемые татарские предприниматели города [13].

Росло и количество татарских женских благотворительных обществ. Показательно, что летом 1914 г. по всей стране было зафиксировано всего 6 мусульманских дамских обществ, а к февралю 1917 г. число таких организаций выросло до 19 [19, с. 201]. После начала войны в Москве был зарегистрирован «Комитет мусульманских женщин для помощи русским воинам» [5]. Аналогичный комитет, под руководством представительницы известной купеческой семьи Яушевой, работал в г. Троицке Оренбургской губернии. В Казани активной участницей благотворительных акций была супруга купца Сулеймана Аитова – Фатиха Аитова (урожденная Яушева). Например, она была в числе немногих женщин, купивших кровати для Мусульманского госпиталя в Казани. Кроме того, ученицы её школы, по сообщению журнала «Сююмбике», подготовили 120 мешков благотворительной помощи для солдат: они собрали предметы первой необходимости, продукты питания и т. д. [31, с. 421].

Благотворительная помощь требовалась не только военнослужащим, но и их семьям. В этот период организовывались ясли иприюты. 7 ноября 1914 г. в Самаре открылся приют-ясли для детей татар-военнослужащих. Одним из организаторов был крупный предприниматель города, занимавшийся транспортными перевозками, Махмуд Баишев. На открытии приюта присутствовали самарский губернатор, городской голова и другие представители городских властей [1].

Такого рода образцовые социальные проекты нередко появлялись по негласному распоряжению властей. Например, в 1915 г. в г. Акмолинске построил на свои средства каменное здание приюта петропавловский предприниматель Нурмухамед Забиров. Идея о строительстве возникла после замечания акмолинского губернатора местной городской думе. Тогда Забиров предложил на свои средства (15 тыс. руб.) организовать строительство и передать здание в распоряжение городских властей. При этом благотворитель собирался содержать за свой счет 5 мальчиков сирот из мусульман [29].

Средства для фронта собирались самыми разными способами. Были и коллективные, и индивидуальные пожертвования. В пользу раненых воинов отчислялась коммерческая прибыль некоторых татарских предприятий. Очень часто деньги перечислялись в местные отделения Красного креста. Устраивались благотворительные показы. Например, в сентябре 1914 г. владелец синемаатографа «Свет» (располагался в Татарской слободе г. Казани) Шайхутдин Ишмухаметов распорядился отдать сбор с пятничного сеанса на благотворительные цели [6]. В целом, татарские культурно-развлекательные мероприятия (концерты, спектакли и т. п.), организованные с целью благотворительного сбора, стали характерным явлением военного времени. Их тоже поддерживали, в основном, купцы.

Кроме того, организовывались постоянные кружечные сборы в татарских лавках. Т.е. в этом случае предприниматели выступали уже не как жертвователи, а посредники между широкими слоями населения и благотворительными организациями. Например, в октябре 1914 г. казанский купец Гайнутдин Мукминов просил разрешения у губернатора на то, чтобы кружку для сбора из своей лавки вынести на улицу, т.к. приближался Курбан-байрам и в дни мусульманского праздника он рассчитывал на более активные пожертвования от единоверцев [27, с. 46].

Сотрудничество мусульманских благотворителей с Красным крестом было оформлено оригинальным образом. На первом этапе войны среди татарского населения проводились благотворительные акции «Дни Красной звезды». Это был аналог Дня Красного креста, но поскольку по религиозным соображениям татары не спешили покупать предметы с христианской символикой, общественными деятеля-

ми была придумана альтернатива для мусульман – Красная звезда. Средства, собранные с продажи флажков со звездой, шли в пользу раненых солдат российской армии. «Дни Красной звезды» проводились в Казани (27 сентября 1914 г.), Уфе (26 июня 1915 г.) и других городах. В числе основных спонсоров акции тоже были предприниматели. Например, в Уфе – Сабирзян Шамгулов, Гибадулла Усманов, Садретдин Назиров и другие [30; 17].

Таким образом, различных эпизодов помощи фронту и семьям военных было очень много. Практически в каждом городе встречались татарские предприниматели, принимавшие посильное участие в данной работе. С одной стороны, это было проявлением их гражданского долга, с другой они следовали и своим этноконфессиональным установкам. Объектом их первостепенной заботы выступали единоверцы – солдаты-мусульмане и их семьи, беженцы (польские татары) и т.д. Происходило это как из-за особенностей менталитета, так из-за внутренней политики государства. Во многом власти сами ставили определенные ограничения, указывая мусульманам их зону социальной ответственности.

С ограниченной зоной ответственности были связаны и определенные инсинуации относительно мусульман Российской империи. Например, показателен эпизод о крупном татарском предпринимателе из Челябинска – Шакире Ахметове. В ходе войны им были подготовлены предметы первой необходимости для российской армии (мыло, табак, курительная бумага, спички и др. нужные вещи) [22, с. 179]. Потратил он не только свои средства, а еще и пожертвования от других лиц. Но его частная инициатива была интерпретирована недоброжелателями в совершенно ином свете. На предпринимателя в апреле 1916 г. поступил донос в Оренбургское жандармское управление, где говорилось о том, что он производит среди мусульман сбор денег в пользу османской армии. Однако после проверки данного сообщения оказалось, что Ахметов занимался сбором пожертвований исключительно в пользу российских воинов [3, л. 333].

Возникшие в ряде городов трудности с проведением Дня Красной звезды тоже были связаны с необоснованными подозрениями. Например, такое мероприятие было сорвано в 1915 г. в Ташкенте. Надо отметить, что тогда в этом городе довольно активно проявляли себя татарские купцы. Например, у троицких купцов Яушевых в Ташкенте работал собственный торговый дом.

Местный мусульманский комитет не ограничился лишь продажей флажков со звездой, хотел еще установить ее в качестве отличительного знака для своих отделов и отрядов. Но ходатайство было отклонено властями, т.к. символ считался составной частью османского герба [9, с. 458]. Уже в 1916 г. не было упоминаний о проведении Дней Красной звезды, поэтому можно предположить, что на этом благотворительная акция российских мусульман была окончательна свернута.

Попытки связать представителей татарского сообщества с османской армией были не единичными. Например, в январе 1916 г. развернулось целое жандармское расследование «О татаро-турецкой организации существующей в городах империи, занимающейся подготовкой и осуществлением побегов из России военнопленных офицеров, враждебных нам государств». В рамках этого дела прошли обыски у татарских книгоиздателей-братьев Каримых в Уфе, у временного иркутского купца Загидуллы Шафигуллина в Цивильском уезде Казанской губернии, а в Иркутске был арестован его родной брат, местный купец Шайхулла Шафигуллин (1853 – ?). Он был известным общественным деятелем, благотворителем, единственным гласным-татаринном Иркутской городской думы. Под подозрения жандармерии попали почти все, кто хоть как-то контактировал с османскими военнопленными. Например, среди них был самарский торговец фруктами Саттар Маннафов. В его магазине обнаружили покупателя-военнопленного. Однако проведенное жандармское расследование пока-

зало, что все указанные лица не совершали никаких противозаконных действий, тем более направленных в пользу армии противника [23].

Такого рода обвинения останавливали, в том числе благотворительные порывы, некоторых татарских предпринимателей. Довольно любопытный диалог был запроколирован на заседании Самарской городской думы 16 января 1915 г. В это время в Самаре было отправлено много османских военнопленных. Местные власти хотели выявить больных, провести опрос среди них, чтобы не допустить распространения эпидемии. Единственный гласный-татарин, известный благотворитель Махмуд Баишевупорно отказывался выступить посредником в этом деле. На просьбу городского головы, что ему удобнее будет обращаться с турками, купец Баишев заявил: «Для меня что турок, что немец, что австрияк, как воюющая сторона с Россией – враги». Не хотел он соглашаться и с доводом, что это его единоверцы [8, с. 113]. Очевидно, одним из сдерживающих факторов для М. Х. Баишева были как раз его опасения, что эти контакты могут вызвать необоснованные подозрения.

Очень показательна цитата из статьи писателя Гаяза Исхаки, опубликованной в татарской газете «Иль» в 1915 г. «Я не хочу верить тому, что господа, каждый день устраивающие театры, вечера в пользу раненых воинов, Красного креста, делают это только ради получения медалей и “спасибо”», – писал он, осуждая равнодушие татарских купцов к бедственному положению карских мусульман, оказавшихся гражданскими жертвами Кавказского фронта Первой мировой войны [10, с. 41]. Лишь после большой агитационной работы через татарскую прессу широкие слои начали собирать благотворительную помощь в пользу мусульман Карской области. Но сначала страх необоснованных обвинений сдерживал даже известных татарских благотворителей.

Очевидно, с подозрительностью властей такого рода (прежде всего, панисламизм) связано и то, что еще до начала войны некоторые татарские общественные объединения (в их числе и мусульманские благотворительные общества) сталкивались с бюрократической волокитой и долго не могли утвердить свой устав. В то же время парадоксально, но в военных условиях открылись и новые возможности: если на первом этапе еще были сложности с юридическим оформлением, в дальнейшем чиновники проявляли большую лояльность к различным этноконфессиональным общественным инициативам.

Так лишь в октябре 1914 г. утвердили устав мусульманской богадельни Общества пособия бедным мусульманам г. Казани. Фактически богадельня работала с 1900 г. [24, с. 245]. Аналогичная ситуация была в Симбирске. Там с 1913 г. пытались открыть «Симбирское мусульманское общество» [4, л. 8]. Зарегистрировали общество в мае 1915 г., хотя общество действовало уже с 1908 г. В конце 1914 г. был утвержден устав Стерлитамакского мусульманского благотворительного общества. И таких примеров на самом деле было много.

Интересно, что в июле 1914 г. министр внутренних дел Н. Маклаков дал указание о том, что следует утверждать уставы лишь мусульманских благотворительных обществ, а рассмотрение уставов культурно-просветительских объединений или обществ «смешанного типа» временно приостановить [21, с. 79].

Мы можем предположить, что активная благотворительная деятельность в пользу фронта давала преференции и для осуществления других проектов. Прежде всего, в культурно-просветительской сфере. Например, обращает на себя внимание, что в 1916 г. получил официальный статус гимназии частная татарская женская школа Фатихи Аитовой. Эта была первая татарская гимназия. Как уже было отмечено выше, и её супруг Сулейман Аитов и сама Фатиха активно занимались организацией благотворительной помощи солдатам и их семьям. Их случай – это наиболее

яркий пример нахождения баланса между общегражданским долгом и этноконфессиональной миссией.

Еще один благотворитель, казанский предприниматель Гайнутдин Мукминов в 1916 г. учредил Товарищество на вере – фирму «Умид» («Надежда») для издания газет, журналов, книг на татарском и других языках [25, с. 9]. Хотя это было коммерческое предприятие, нужно отметить, что получение разрешения на книгоиздательское дело для татарских предпринимателей было не простым делом. Главным образом, из-за панисламистских подозрений.

Что касается, иных татарских культурно-просветительских объединений, то в течение войны все-таки удалось дать юридическое оформление некоторым проектам. Например, весной 1915 г. начал функционировать «Петроградское общество распространения знаний среди русских мусульман» [28]. С 1916 г. действовало Оренбургское мусульманское музыкально-драматическое общество, учрежденное местными купцами Хусаиновыми, редактором газеты «Вақыт» Фатыхом Карими и другими лицами [26, с. 57]. Были, безусловно, и другие объединения.

Заключение

Готовность сделать пожертвование в пользу нуждавшихся являлось характерной чертой менталитета как татарского, так и в целом российского предпринимательства начала XX в. В мирное время благотворительная деятельность в пользу татарских медресе, мечетей, мусульманских благотворительных обществ и других учреждений рассматривалась торговцами и промышленниками, в том числе, в качестве символического капитала (для формирования собственного социального престижа).

Первая мировая война стала для них новым вызовом. В сложившуюся к началу XX в. систему татарских социокультурных институтов, базировавшейся во многом на материальной поддержке татарского предпринимательства, встраивались задачи общегражданского характера. В этот период основные силы были брошены на нужды военных и их семей, организацию медицинской помощи и т. д. Довоенный опыт организации социальной помощи, накопленный в рамках деятельности мусульманских благотворительных обществ, был применен татарским предпринимательством уже в работе различных временных комитетов.

Стоит отметить, что благотворительная помощь данной социальной группы, в основном, имела этноконфессиональный характер. Это было следствием заданных органами власти определенных координат в общественной жизни. Обратной стороной данных установок стали попытки экстраполяции опыта татар-мусульман на другие сферы, возникали стереотипные образы и даже ложные представления о татарских деятелях начала XX в. Поэтому в годы войны были зафиксированы парадоксальные ситуации, когда татары-мусульмане, среди них и известные благотворители, отказывались помогать единоверцам из числа гражданских жертв войны и военнопленных.

С другой стороны, именно в годы Первой мировой войны инициативы татарского предпринимательства общегражданского характера подчеркивали их лояльность государству, что давало им возможность для реализации ранее неосуществимых татарских социокультурных проектов. Это было связано с юридическим оформлением различных общественных объединений (прежде всего, благотворительных), открытием учебных заведений и т. д.

Примечания

1. Статья подготовлена по итогам работы научного семинара «История российского предпринимательства и благотворительность: новые грани научного исследования проблемы» в рамках деятельности Центра исследований истории предпринимательства регионов России (Институт российской истории РАН, Елабужский институт (филиал) КФУ).
2. В 1867 г. было организовано Бекбулатовское общество взаимной благотворительности касимовских татар в Санкт-Петербурге.

Список источников и литературы

1. Волжское слово. 1914. 8 нояб.
2. *Габдрафикова Л. Р., Абдуллин Х. М.* Татары в годы Первой мировой войны (1914 – 1918). Казань: Ин-т ист. им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2015. 395 с.
3. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 21. Оп. 9. Д. 4.
4. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 76. Оп. 1. Д. 79.
5. Город Казань. 1914. 29 авг.
6. Город Казань. 1914. 7 сент.
7. *Забывтая война. Сто лет* : (путеводитель) / авт.-сост. В. Макарова. Уфа: Нац. музей Республики Башкортостан, 2014. 12 с.
8. *Зубова О. В., Калягин А. В.* «По чьему-то великому и преступному недомыслию...» (турецкие военнопленные в Самаре, 1915 год) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2015. № 3. С. 104–136.
9. *Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.)* : сб. материалов / сост. Д. Ю. Арапов. М.: Наталис, 2006. 479 с.
10. *Исхакый Г. Әсәрләр. Т. 7.* Публицистика (1915-1916). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2008. 365 б.
11. Казанский телеграф. 1914. 6 нояб.
12. Казанский телеграф. 1914. 14 нояб.
13. Казанский телеграф. 1915. 9 апр.
14. Казанский телеграф. 1915. 20 окт.
15. Камско-Волжская речь. 1915. 14 апр.
16. Камско-Волжская речь. 1915. 21 мая.
17. Камско-Волжская речь. 1915. 4 июля.
18. Камско-Волжская речь. 1915. 8 июля.
19. *Миннуллин З. С.* Возникновение и развитие мусульманских благотворительных организаций России (XIX – начало XX вв.) // Ученые записки Казанского университета. 2008. Т. 150, кн. 8. С. 198–202.
20. *Миннуллин З. С.* Источники по истории татарских благотворительных организаций второй половины XIX - начала XX в. // Гасырларавазы. 2019. № 3. С. 168–182.
21. *Мясникова О. С.* Мусульманское население г. Петрограда в 1914 – нач. 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Мясникова Ольга Сергеевна. СПб., 2004. 228 с.
22. *Рязанский И. В.* Тыловая российская повседневность в условиях Первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 – феврале 1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Рязанский Илья Вячеславович. Челябинск, 2006. 233 с.
23. *Салихов Р. Р.* Участие татарской буржуазии в судьбах турецких военнопленных в годы Первой мировой войны // *Akdes Nimet Kurat'ın hayatı ve eserleri : sempozyumu bildiriler = Материалы научного симпозиума «Жизнь и научная деятельность Акдеса Нимета Курата».* Ankara: Turk Tarih Kurumu, 2016. С. 305–311.
24. *Салихов Р. Р.* Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в. Казань: ФЭн, 2004. 260 с.
25. *Салихов Р. Р., Хайрутдинов Р. Р.* Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). Казань: Фест, 1995. 280 с.
26. *Татарское общество Оренбургской губернии (в дореволюционной печати и архивных документах)* / сост. Ф. Бектемиров. Оренбург, 2014. 150 с.
27. *У милосердия древние корни (благотворительность и милосердие в Казани в годы*

- Первой мировой войны, 1914-1917 гг.) : сб. док. и материалов / под ред. Д. Р. Шарафутдинова. Кн. 2. Казань: Гасыр, 2003. 208 с.
28. Уфимский вестник. 1915. 7 марта.
 29. Уфимский вестник. 1915. 12 апр.
 30. Уфимский вестник. 1915. 9 июня.
 31. Хайрутдинова Д. Р. Благотворительность и милосердие татарских женщин в годы Первой мировой войны // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX – XX вв.). Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. С. 420–424.
 32. Айнутдинова Л. М., Хайрутдинов Р. Г. Всероссийские съезды мусульман // *Tatarica*. Татарская энциклопедия : универсальный мультимедийный интернет-ресурс. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/novejshee-vremya/znachimye-sobytiya/vserossijskie-sezdy-musulman> (дата обращения: 07.05.2024).
 33. Ямаева Л. А. Мусульманский либерализм начала XX века как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губернии). Уфа: Гилем, 2002. 300 с.

References

1. *Volzhskoye slovo* 1914, 8 November. (In Russ.)
2. Gabdrarifkova, LR & Abdullin, KhM 2015, *Tatary v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – 1918)* (Tatars during the World War I (1914 – 1918)), In-t ist. im. Sh. Mardzhani AN Respubliki Tatarstan publ, Kazan. (In Russ.)
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (GAOO)* (State Archive of the Orenburg Region), fund 21, inventory 9, file 4. (In Russ.)
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Ulyanovskoy oblasti (GAUO)* (State Archive of the Ulyanovsk Region), fund 76, inventory file 79. (In Russ.)
5. *Gorod Kazan*, 1914, 29 August. (In Russ.)
6. *Gorod Kazan*, 1914, 7 September. (In Russ.)
7. Makarova, V 2014, *Zabytaya voyna. Sto let* (The Forgotten War. One hundred years), Nats. muzey Respubliki Bashkortostan publ, Ufa. (In Russ.)
8. Zubova, OV & Kalyagin, AV 2015, ‘«Po chyemu-to velikomu i prestupnomu nedomysliyu...» (turetskiye voyennoplennyye v Samare, 1915 god)’ (“According to someone's great and the criminal folly...” (Turkish prisoners of war in Samara, 1915)), *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii* (20th century and Russia: society, reforms, revolutions), no. 3, pp. 104–136. (In Russ.)
9. Arapov, DYu 2006, *Imperatorskaya Rossiya i musulmanskiy mir (konets XVIII – nachalo XX v.)* (Imperial Russia and the Muslim World (late 18th – early 20th centuries)), Natalis publ, Moscow. (In Russ.)
10. *Iskhakyy, G* 2008, *Әсәрләр* (Works), vol.7, Publitsistika (1915 – 1916) (Publicism (1915 – 1916)), Татарстан китап нәшрияты publ, Kazan. (In Tatar)
11. *Kazanskiy telegraf* 1914, 6 November. (In Russ.)
12. *Kazanskiy telegraf* 1914, 14 November. (In Russ.)
13. *Kazanskiy telegraf* 1915, 9 April. (In Russ.)
14. *Kazanskiy telegraf* 1915, 20 October. (In Russ.)
15. *Kamsko-Volzhskaya rech* 1915, 14 April. (In Russ.)
16. *Kamsko-Volzhskaya rech* 1915, 21 May. (In Russ.)
17. *Kamsko-Volzhskaya rech* 1915, 4 July. (In Russ.)
18. *Kamsko-Volzhskaya rech* 1915, 8 July. (In Russ.)
19. Minnullin, ZS 2008, ‘Vozniknoveniye i razvitiye musulmanskiykh blagotvoritelnykh organizatsiy Rossii (XIX – nachalo XX vv.)’ (Origin and Development of Muslim Charity Organization in Russia (19th – early 20th centuries)), *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta*, vol. 150, book 8, pp. 198–202. (In Russ.)

20. Minnullin, ZS 2019, 'Istochniki po istorii tatarskikh blagotvoritel'nykh organizatsiy vtoroy poloviny XIX - nachala XX v.' (Historical sources on the Tatar charitable organizations of the second half of the 19th – early 20th century), *Гасырларавазы*, no. 3, pp. 168–182. (In Russ.)
21. Myasnikova, OS 2004, *Musul'manskoye naseleniye g. Petrograda v 1914 – nach. 1917 gg.* (Muslim population of Petrograd in 1914 – early 1917), PhD thesis, St. Petersburg. (In Russ.)
22. Ryazanskiy, IV 2006, *Tylovaya rossiyskaya povsednevnost v usloviyakh Pervoy mirovoy voyny: Yuzhnyy Ural v iyule 1914 – fevrale 1917 gg.* (Russian everyday life on the home front in the World War I: The Southern Urals in July 1914 – February 1917), PhD thesis, Chelyabinsk. (In Russ.)
23. Salikhov, RR 2016, 'Uchastiye tatarskoy burzhuazii v sudbakh turetskikh voyennoplennnykh v gody Pervoy mirovoy voyny' (Participation of the Tatar bourgeoisie in the fate of Turkish prisoners of war during the World War I), *Akdes Nimet Kurat'ın hayatı ve eserleri: sempozyumu bilderiler* (Proceedings of the Scientific Symposium 'Life and Scientific Work of Akdes Nimet Kurat'), Turk Tarih Kurumu publ, Ankara, pp. 305–311. (In Russ.)
24. Salikhov, RR 2004, *Uchastiye tatarskogo predprinimatelstva Rossii v obshchestvenno-politicheskikh protsessakh vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* (Participation of the Tatar entrepreneurship in Russia in the socio-political processes of the second half of the 19th - early 20th centuries), Fen publ, Kazan. (In Russ.)
25. Salikhov, RR & Khayrutdinov, RR 1995, *Respublika Tatarstan: Pamyatniki istorii i kultury tatarskogo naroda (konets XVIII – nachalo XX vekov)* (Republic of Tatarstan: Monuments of history and culture of the Tatar people (late 18th - early 20th centuries)), Fest publ, Kazan. (In Russ.)
26. Bektemirov, F 2014, *Tatarskoye obshchestvo Orenburgskoy gubernii (v dorevol'yutsionnoy pechati i arkhivnykh dokumentakh)* (Tatar society of Orenburg province (in pre-revolutionary press and archive documents)), Orenburg. (In Russ.)
27. Sharafutdinov, DR (ed.) 2003, *U miloserdiya drevniye korni (blagotvoritel'nost' i miloserdiye v Kazani v gody Pervoy mirovoy voyny, 1914 – 1917 gg.)* (Mercy has ancient roots (charity in Kazan during the World War I, 1914 – 1917)), book 2, Gasyr publ, Kazan. (In Russ.)
28. *Ufimskiy vestnik* 1915, 7 March. (In Russ.)
29. *Ufimskiy vestnik* 1915, 12 April. (In Russ.)
30. *Ufimskiy vestnik* 1915, 9 June. (In Russ.)
31. Khayrutdinova, DR 2008, 'Blagotvoritelnost i miloserdiye tatarskikh zhenshchin v gody Pervoy mirovoy voyny' (The tatar women in the years of the World War I), *Obshchestvenno-politicheskaya mysl i dukhovnaya kultura narodov Povolzhya i Priuralya (XIX – XX vv.)* (Socio-political thought and spiritual culture of the Volga and Urals peoples (19th -20th centuries)), Izd-vo Kazan. gos. un-ta publ, Kazan, pp. 420–424. (In Russ.)
32. Aynutdinova, LM & Khayrutdinov, RG, 'Vserossiyskiye syezdy musulman' (All-Russian Muslim Congresses), *Tatarica. Tatarskaya entsiklopediya* (Tatarica. Tatar Encyclopaedia), viewed 7 May 2024, <https://tatarica.org/ru/razdely/istoriya/novejshee-vremya/znachimye-sobytiya/vserossijskie-sezdy-musulman> (In Russ.)
33. Yamayeva, LA 2002, *Musul'manskiy liberalizm nachala XX veka kak obshchestvenno-politicheskoye dvizheniye (po materialam Ufimskoy i Orenburgskoy gubernii)* (Muslim liberalism of the early 20th century as a social and political movement (based on the materials of Ufa and Orenburg provinces)), Gilem publ, Ufa. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 15.05.2024
Одобрена после рецензирования: 21.06.2024
Принята к публикации: 13.09.2024

The article was submitted: 15.05.2024
Approved after reviewing: 21.06.2024
Accepted for publication: 13.09.2024